Однако лицо Лорда было словно каменным, он смотрел с лица бывшего директора на мерцающие языки пламени в камине, а свободная рука в задумчивости прижималась к губам.

Наконец, спустя, казалось, целую вечность, Джеймс обратился к Альбусу с вопросом: "Кто-нибудь еще слышал это пророчество? Даже случайно?"

"Я проверил всё помещение и убедился, что никто не мог войти или выйти, пока я встречался с Сибиллой: после этого я помог ей выйти и проверил территорию на наличие подслушивающих, но с облегчением должен признать, что не нашёл никаких доказательств того, что там кто-то был".

"И... и... вы действительно думаете, что это... это пророчество относится... к нашему ребенку?" - спросила Лили, и слезы покатились по ее лицу. Альбус встретил ее взгляд, и его выражение лица стало торжественным и страдальческим, когда он кивнул.

"Гарри родился в седьмом месяце, в июле, и умер, Джеймс, - пояснил директор, в его голосе звучали нотки печали, вины и боли за двух своих любимых бывших учеников, а также за мальчика, рождение которого он наблюдал и чью силу он ощущал как большую, чем любую другую до него.

И дело было не только в том, что он был сыном Верховного колдуна, о котором Альбус слышал слухи, что его видели в Лондоне и на экстренном собрании МКВ через несколько дней после рождения Гарри.

Именно благодаря этой встрече, а также уникальным обстоятельствам жизни Гарри, Альбус за два месяца до этого встретился с Джеймсом и узнал о том, что Лорд Поттеров провел над мальчиком мощный древний ритуал усыновления с помощью магии крови и семейной магии. В результате Дамблдор был потрясён до глубины души, узнав, что Гарри является истинным хозяином Бузинной палочки и, соответственно, Даров Смерти. Такого не было уже много веков, но Альбус знал, что это не обычное явление.

Поэтому по просьбе Джеймса Альбус передал палочку её законному владельцу, вернув наследникам Игнотуса наследие Певерелл, а также обеспечив безопасность мальчика, который однажды действительно может стать самым могущественным волшебником на свете!

Возможно, даже более могущественным, чем сам Альбус.

Услышать этот факт и осознать, что этот самый ребёнок может оказаться в опасности, было так больно, как не было больно Альбусу со дня смерти Арианны, а это было почти сто лет назад.

Переведя дыхание, Альбус продолжил рассуждения: "Учитывая конкретные детали пророчества, я склоняюсь к тому, что речь идёт о тебе или Лонгботтомах, хотя, учитывая невероятную магическую силу Гарри, его подвиги, совершённые ещё в утробе матери, и его судьбу как истинного наследника титула Мастера Смерти, не говоря уже о том, что дом

Поттеров уже трижды отражал все попытки Волдеморта пасть, и уникальный статус Гарри... Мне неприятно это говорить, друзья мои, правда, но..."

"Наш сын... что? Избранный", - пробормотал Джеймс, заслужив медленный кивок Дамблдора, который спросил: "И что это значит, Альбус? Он должен стать великим защитником Света и тем, кто стоит между этим миром и тьмой за его пределами, ты это хочешь сказать?"

"Да."

Подняв глаза, Джеймс помрачнел, и, к шоку Лили, Джеймс, казалось, стал совершенно холодным в душе, когда он прорычал: "Чушь собачья!"

Глаза Альбуса расширились, и в то же время Джеймс наклонился вперед, чтобы сказать Альбусу: "Ты потратил столько времени, пытаясь заставить ее доказать свое утверждение, а потом, когда ты почувствовал, что должен отказать ей, она выпустила это пророчество, утверждающее, что Волдеморт пал и что именно наш сын, о рождении которого было объявлено практически на первой странице "Пророка", хотя и без правды о его происхождении, станет Избранным?"

Покачав головой, Джеймс поднялся со своего места и добавил: "Нет, Альбус: Я не позволю этой суке получить свою награду, тем более такой ценой, что мне придётся спрятать своего сына, а не дать ему жизнь, в которой он будет безопасным, сильным и любимым всеми, но не больше, чем мы с Лили".

"Джеймс, - сказал Альбус, в его голосе прозвучали спокойные нотки советнических эмоций, - ты сам сказал об этом, мой мальчик: Гарри невероятно силен и предназначен для величия, но если бы я каким-то образом упустил безопасность моей встречи... если бы Волдеморт каким-то образом узнал о существовании этого пророчества и роли Гарри в нем, то..."

"Не смейте заканчивать это заявление!" - прошипел Джеймс, в его глазах сверкнули молнии, и он зарычал: "Вы не имеете права приходить сюда и диктовать мне, Альбусу Персивалю Вульфрику Брайану Дамблдору, мир "что если"! Я больше не студент, я глава этой семьи, и я говорю тебе: вернись к этой мошеннице и заставь её доказать свою правоту другим способом, но не ценой моего сына и наследника, не ценой кого-либо из моей семьи!"

Когда Лили и Альбус потрясённо переглянулись, Джеймс указал пальцем на камин: "Давай, уходи! И не возвращайтесь, пока не получите доказательства её правоты, а если вы всё ещё не можете доказать это, но верите, что мой сын должен стать пешкой в игре во имя Высшего Блага, в которое вы так благородно верите, то, как лорд Поттер, я объявляю, что вам официально запрещено когда-либо ещё ступать на территорию этого поместья!"

Пока Альбус в ужасе смотрел на происходящее, камин взревел, увлекая его за собой, а Джеймс просто повернулся и, упав в кресло, положил голову на руки и зарыдал, а Лили, обхватив его за плечи, прижалась к его шее в нежном поцелуе.

"О... Мерлин... прости меня, Лилс", - задыхался Джеймс, поднимая голову, чтобы встретиться с ее глазами, и спрашивал: "Что я..."

Однако прежде чем он успел закончить свой вопрос, и он, и Лили задохнулись, когда то, что можно было описать только как вспышку огня, похожую на огонь феникса, осветило пространство между ног Джеймса, а когда она угасла, там оказался Гарри, его глаза расширились от ужаса, и он протянул свои маленькие ручки к Джеймсу.

"Папа!" - закричал Гарри, заставив Лили и Джеймса вздохнуть, когда лорд Поттер заключил сына и наследника в свои объятия, и со слезами радости повернулся к жене, которая улыбалась, несмотря на охвативший её страх.

"Я - его первое слово!" - воскликнул Джеймс, прижимаясь поцелуями к щеке сына и смеясь: "Соси, Падфут!".

Даже несмотря на то, что Джеймс изменил своё отношение к поразительным событиям, когда его сын снова использовал Случайную магию, Лили не могла отделаться от чувства страха за то, что они узнали.

Когда Сириус спустился вниз и узнал о первом слове Гарри, Лили рассмеялась, увидев ошеломлённое выражение лица Блэк Лорда, но, взглянув на свою семью, Поттер Леди посмотрела прямо в глаза своему невинному в любви сыну, и яркое, кристально-изумрудное сияние его глаз наполнило её силой, которую она потеряла, услышав пророчество из уст Альбуса.

Заглянув в эти глаза, Лили положила руку на плечо Джеймса и, наклонившись к нему, прошептала: "Мы нужны ему, Джей; кто мы такие, чтобы эгоистично выбирать убеждения вместо жизни нашего ребёнка?"

Джеймс обратил взгляд на жену, а малыш Гарри, всё ещё одетый в костюм львёнка, прижался к шее отца и закрыл глаза.

В то же время Лорд Поттеров добавил: "Я... я не могу отменить своё изгнание его, Лил... что, если мы ошибаемся?"

"Лили провела мягкой рукой по кончикам лохматых, неухоженных волос своего мужа, поцеловала его в щёку и посмотрела на него яростным, но сосредоточенным взглядом;

"А как же наше старое убежище в Годриковой лощине?"

Сын колдовства

На следующее утро после получения новостей Лили оставила Джеймса спать с Гарри на руках

и, подойдя к краю участка, аппарировала прочь от Поттер-Мэнора, прямо на кладбище, которое находилось через дорогу от одинокого и пустого дома в тюдоровском стиле, ворота которого украшал щит с изображением оленя и лани, обе они окружали маленького новорожденного крепыша с маленькой версией герба Поттеров, выбитого над тремя животными.

Улыбаясь при взгляде на изображение, Лили погладила крепко выгравированную фигуру оленёнка, а затем прошептала: "Это всё для тебя, малыш... потому что мы всегда будем любить тебя..."

"Здравствуй, Лили..."

http://tl.rulate.ru/book/93794/3146656